

XI. Короткий путь к войне

Утверждение влияния Год 1896-й стал переломным в дальневосточных взаимоотношениях ведущих держав. Подписав 28 мая протокол, устанавливающий паритет с Россией в корейских делах, японское руководство на время умерило свои притязания, отнюдь не намереваясь неукоснительно придерживаться достигнутых договоренностей. Подписание русско-китайских документов по КВЖД и динамичное развертывание работ по сооружению железнодорожной магистрали, соединяющей Приморье с материковой Россией, с самого начала стало восприниматься в Японии не просто как фактор раздражения, а как вызов и прямая угроза. По мере хода строительных работ в Маньчжурии росло русское влияние, экономика этой дикой провинции переориентировалась на обслуживание нужд дороги и русских поселений при ней, местное население училось говорить по-русски, а на смену первоначальной враждебной настороженности к "пришельцам с севера" постепенно приходила здоровая заинтересованность в торговле и улучшении собственной жизни. Твердо обеспеченные золотом русские бумажные рубли, попадавшие в оборот от постоянно растущей диаспоры строителей и служащих железной дороги¹⁹⁸, быстро стали в Маньчжурии наиболее привлекательной валютой.

В Корею русские офицеры занимались формированием и подготовкой королевской гвардии, при правительстве в Сеуле работали военный и финансовый советники. В довершение масштабной картины российской экспансии в регионе, корабли тихоокеанской эскадры до самого 1897 года, в соответствии с ранее заключенными соглашениями, в зимнее время приходили на стоянку на незамерзающие рейды японских портов, главным образом Нагасаки. Вынужденное созерцание Андреевского флага в собственном доме не могло не усиливать японскую враждебность и жажду реванша.

В этих условиях Япония даже не пытается выдержать паузу, приличествующую необходимости сохранять добрые отношения в год коронации нового российского императора. Японский парламент

¹⁹⁸Численность русской диаспоры в Маньчжурии достигала в 1903 году 100 тысяч человек – не считая личного состава армейских частей, введенных в 1900 году.

с помпой утверждает масштабную кораблестроительную программу, рассчитанную на 10 лет и по своим параметрам сопоставимую с кораблестроительными программами Германии и России.

Наша страна, за беспрецедентно короткий срок добившись на Дальнем Востоке впечатляющих успехов и прекрасно сознавая слабую защищенность собственных позиций в этом регионе, в целях избежания дальнейшего ухудшения отношений с Японией принимает решение не наращивать своего присутствия в Корее. Несмотря на то что Россия имела полное договорное право перевести эскадру на базирование в корейский Пусан, было решено воздержаться от подобного шага. Однако в конце 1897 года вопрос об устройстве военно-морской базы в незамерзающем порту получил неожиданное разрешение.

Порт-Артурский форпост

В начале 1897 года Япония инициировала диалог с Россией, желая добиться нашего согласия на свободу действий в Корее в обмен на признание верховенства российских интересов на землях, ограниченных Северной Маньчжурией. В ответ Россия, давно присматривавшаяся к Ляодунскому полуострову с прекрасными незамерзающими портами Люйшунь (Порт-Артур) и Даляньвань (Дальний), вышла с предложением включить в сферу своих интересов также и южнманьчжурские земли. Смысл предложения был прост и прозрачен: в случае, если Япония получала преобладающее влияние в Корее, включая права регулирования свободы судоходства в Корейском (Цусимском) проливе, то Россия для поддержания своих морских коммуникаций на Дальнем Востоке должна была располагать портом в акватории Желтого моря, из которого открывался бы свободный проход к южно-азиатским морям и в Тихий океан¹⁹⁹. Однако против

¹⁹⁹Корейский пролив практически по середине разделяется принадлежащими Японии островами Цусима, расстояние от которых как до корейского, так и до японского берегов не превышает 45–50 километров. Даже без поддержки флота, только при наличии на обоих берегах артиллерийских батарей, пролив можно было легко держать под контролем.

Несколько сложнее для японской стороны оказалась бы, в случае необходимости, организация морской блокады России по линии принадлежавших ей в то время Курильских островов. Значительная ширина Курильских проливов, совместно достигающая 500 миль, сохраняла возможность для прорыва военных кораблей. Однако для коммерческих судов, вынужденных перед таким прорывом подниматься от Владивостока на север 1750 километров, проходя в Охотское море через полгода скованный льдами Татарский пролив, подобное мореплавание теряло бы всякий

последнего решительно возражал Китай, еще не успевший примириться с прокладкой по своей территории линии КВЖД. Все попытки курировавшего строительство железной дороги министра финансов С.Ю.Витте получить согласие китайской стороны на прокладку дополнительной ветки от Харбина к Ляодунскому полуострову, где Россия могла бы впоследствии построить круглогодичный порт, в течение лета 1897 года наталкивались на решительный отказ. Подобный вялотекущий дипломатический диалог вполне мог бы тянуться еще несколько лет, не случись в Китае на почве усиливающейся ненависти к "иностранцам" убийств двух немецких миссионеров. Реакция Германии на инцидент не заставила себя ждать: воспользовавшись неспособностью китайских властей к обороне, кайзеровский флот провел молниеносную десантную операцию, приведшую к захвату китайского порта Циндао с прилегающей территорией Шаньдунского полуострова. Случилось это 2 ноября 1897 года²⁰⁰. В тот же день Пекин – на основании положений договора 1896 года – обратился в Санкт-Петербург за помощью. Первоначально Россия планировала решительно протестовать против столь бесцеремонного посягательства на суверенитет своего, с недавних пор, нового союзника. Однако недавно назначенный министром иностранных дел Н.М.Муравьев, зная об поддержке императором идеи о закреплении на Ляодунском полуострове, предложил смолчать и

экономический смысл. Россия вновь, как когда-то на Черном море, оказывалась бы запертой в своих холодных северных владениях.

В случае же использования портов Ляодунского полуострова Россия гарантированно имела бы (i) свободу морских коммуникаций со *все*м густонаселенным побережьем Китая, (ii) проход в Южно-Китайское море через широкий (192 км) Тайваньский пролив или (iii) проход в океан через столь же широкие проливы между японскими островами Рюкю.

Кстати, оккупировав в ходе войны с Китаем 1895–1896 гг. Тайвань и лежащие в Тайваньском проливе Пескадорские острова, Япония существенно улучшала свои возможности в стратегически важной области контроля за проливами. И в начале XX века не было никаких оснований полагать, что от дальнейших шагов в этом направлении Япония воздержится.

²⁰⁰Справедливости ради надо сказать, что захват Циндао не был, в лучших германских традициях, внезапным и немотивированным. Данный порт с 1896 года, с разрешения Пекина, использовался Россией в качестве угольной станции и незамерзающего рейда для зимней стоянки кораблей. Несмотря на наличие у России преимущественного права на якорную стоянку в Циндао, портом также активно пользовались и германские суда. Германия неоднократно обращалась к пекинским властям с предложением об аренде Циндао, но всегда получала отказ.

По сути вещей, 2 ноября 1897 года Германия не столько захватила Циндао в классическом понимании этого термина, сколько под угрозой военной силы принудила китайские власти заключить договор долгосрочной аренды порта Циндао и Шаньдунского полуострова.

воспользоваться германской аннексией как удобным предлогом для возобновления переговоров с Китаем. Расчет оказался верным. На сей раз Китай уже не мог, как несколько месяцев назад, отвергнуть предложение России, поскольку теперь русская военно-морская база на южной оконечности Ляодунского полуострова, Квантуне, объективно позволяла парировать дисбаланс, вызванный появлением на его территории нового агрессивного интересанта.

Тем не менее Россия оказалась в весьма деликатном положении. Юридически она оставалась союзницей Китая – и в то же время, не имея подобного договора с Германией, однако постоянно получая от не на шутку озабоченного русско-французским союзом кайзера Вильгельма II многочисленные импульсы к дружбе, *de facto* находилась в союзных отношениях и с этой страной²⁰¹. Берлин довел до сведения российского императора, что Германия не намерена возражать против закрепления России в Порт-Артуре – тем самым русские и германские интересы в акватории Желтого моря оказывались лежащими в одной плоскости. На их сближение повлияло и внезапное усиление активности английского флота, усилившего присутствие в Желтом море и посетившего Порт-Артур. Любопытно, что одной из причин английской военно-морской демонстрации стала своеобразная борьба с Россией за право предоставления Китаю очередного займа, необходимого для выплаты Японии второй части военной контрибуции. Поскольку в недостаточной платежеспособности Китая мало кто сомневался, предоставление обреченного на реструктурирование или невозврат кредита было гарантией дальнейших политических уступок со стороны Пекина.

²⁰¹ Действительно, в первые годы XX столетия очень многие действия Германии мотивировались стремлением к альянсу с Россией. Однако альянс этот, случись ему состояться, объективно не мог выйти за рамки тактического союза. Диаметрально противоположные интересы в Восточной Европе и на Балканах, помноженные на непреодоленную неприязнь на уровне архетипов правящих элит, постоянно становились источниками недоверия и сомнений.

При этом позиция России, ни разу не сказавшей настойчивому кандидату в союзники своего “да”, была гораздо последовательнее германской. Ведь за спиной своего кузена Николая II кайзер не гнушался поисками союза с Англией. Он “мечтал о союзе двух тевтонских наций, объединенных общими интересами и чувством расового превосходства. Средство для достижения этих целей он видел в укреплении династических связей. Во время своего визита в Англию на похороны королевы Виктории в январе – феврале 1901 г. Вильгельм II убеждал <короля> Эдуарда в том, что он враг России и не питает уважения к императору Николаю II. Последнего он характеризовал как “некомпетентного правителя, годного только для того, чтобы выращивать репу” [150].

Выбор у ослабленного Китая был небогат. В условиях реальной угрозы дальнейшей экспансии как со стороны Германии, так и Англии Пекин согласился на постоянную стоянку русских военных кораблей в Порт-Артуре. Сообщая Н.М.Муравьеву об этом решении своего правительства, китайский посланник в Санкт-Петербурге поинтересовался у него касательно предполагаемого срока нахождения в Порт-Артуре русской эскадры. По преданию, глава МИДа ответил посланнику, что "подобный вопрос оскорбителен для Его Императорского Высочества, желающего искренне помочь Китаю".

Не дожидаясь окончательного ответа из Пекина, 2 декабря 1897 года отряд тихоокеанской эскадры под командованием контр-адмирала М.А.Реунова в составе крейсеров тихоокеанской эскадры "Адмирал Нахимов" и "Адмирал Корнилов" при поддержке канонерской лодки "Отважный" бросил якоря на рейде Порт-Артура. Второй отряд в составе крейсера "Дмитрий Донской" и канонерских лодок "Сивуч" и "Гремящий" встал на зимовку на рейде соседнего города Даляньвань – будущего коммерческого порта Дальний. Следом за русскими кораблями на внутренний рейд Порт-Артура, несмотря на сигнал "вам вход воспрещается", прибыл английский крейсер "Дафнэ". Британский консул немедленно запросил пекинские власти о причинах занятия русскими Порт-Артура и Даляньваня, услышав в ответ: "Для защиты наших интересов" [151]. Тогда 6 декабря английские военно-морские силы – видимо, с аналогичной целью, – заняли корейский порт Чемульпо.

Преждевременная оговорка русского МИДа

Поскольку значительная часть дальневосточной дипломатии того периода велась под грифом "секретно" (секретным, в частности, считался и русско-китайский союзный договор 1896 года), англичане не могли не усматривать в произошедших с интервалом ровно один месяц занятиях Циндао и Порт-Артура признаков крайне опасного для них "германо-русского сговора". В этих условиях британская дипломатия предприняла неординарный ход: военно-морские силы Ее Величества из Порт-Артура были отозваны, а России было предложено заключить рамочное соглашение о разделе сфер экономических интересов на всей территории Китая при сохранении и необходимой поддержке политической власти китайского императора как "гаранта договоренностей". Однако в диалоге с Лондоном, длившемся до конца января 1898 года, Н.М.Муравьев – после смерти

А.Б.Лобанова-Ростовского успевший проработать на посту министра иностранных менее одного года – допустил непростительную ошибку, которая в последующем существенно ослабит дипломатические позиции России в Китае. Российский МИД вполне благородно отказался от участия в "экономическом" разделе Китая, при этом оговорившись, что переговоры с Англией могут касаться только дел Дальнего Востока, а не Китая в целом. Последнее означало не что иное, как готовность России к *политическому* закреплению в Маньчжурии. Открыто демонстрировать такую готовность в тот момент было явно преждевременно, тем более что ни для кого не являлось секретом, как ревностно и болезненно реагирует Англия на любое – неважно, безусловное или "концессионное" – территориальное приобретение России. Ведь в случае успеха, Россия увеличила бы свои владения еще почти на миллион квадратных километров, тем самым практически сравнявшись по территории с "владычицей морей"²⁰². Однако самое главное – наша страна получала выход к теплым тихоокеанским морям, откуда могла эффективно противостоять британским интересам в восточном и южном Китае, а также создавать морскую угрозу Индии – что, с учетом уже состоявшегося приближения России к британским владениям с направления Восточного Туркестана, создавало смертельную угрозу для всей британской геополитической конструкции. Заключи в этих условиях Россия стратегический союз с Германией – и к 1914 году Британской империи, вполне возможно, уже могло бы не существовать. Именно в те годы, когда мировое доминирование Британской империи впервые оказалось под угрозой, британские журналисты ввели в оборот образ "русского медведя, сползающего к Желтому морю со своих сибирских ледников", – активно эксплуатировавшийся до самого окончания русско-японской войны в 1905 году.

Британия, безусловно, лукавила, демонстрируя заботу о сохранении Маньчжурии за "законным китайским правительством". Спустя буквально несколько лет, 25 августа 1904 года²⁰³, когда

²⁰²Еще раз должен подчеркнуть, что осуждаемый с позиций "политкорректности" сегодняшнего дня территориальный экспансионизм на рубеже XIX–XX веков считался абсолютно нормальным явлением. Более того, германский "аншлюс" Циндао со всей неизбежностью обязан был сподвигнуть Россию к закреплению на Ляодуне – ведь в противном случае полуостров перешел бы под контроль англичан, которые, вплоть до присоединения России к *Entente Cordiale* ("сердечному союзу") Англии и Франции в 1907 году, оставались в числе наиболее вероятных стратегических противников Российской империи.

²⁰³Новый стиль.

Россия в результате ряда неудач в войне с Японией станет терять позиции на северо-востоке Китая, Великобритания, в обход Пекина введя в Лхасу войска, заставит номинального главу Тибета Далай-ламу подписать договор о демаркации северной границы Британской Индии и о запрете уступать территорию Тибета какому-либо другому государству без согласия на то Великобритании. Указанный договор, по сути своей, повторял русско-маньчжурские соглашения 1900 года, ставившие северо-восточный Китай под российский протекторат и сделавшие – не без активного участия Великобритании – главной побудительной причиной к развязыванию Японией войны.

**Больше, чем
просто выход к
теплым морям**

В силу названных обстоятельств локальная, казалось бы, борьба за право контроля над портами в акватории Желтого моря, длившаяся с ноября 1897 по февраль 1898 гг., вылилась в одну из узловых коллизий международных отношений. Теперь английская дипломатия предпринимала беспрецедентные усилия по навязыванию Пекину собственного займа для оплаты второй части военной контрибуции Японии. Поскольку для дряхлеющего Китая единственной разумной реакцией на вторжение "заморских чертей" могла быть только политика сепаратных договоренностей с каждым из них, то 17 февраля 1898 года Пекин, отвергнув активно предлагавшийся Витте русский кредит, принимает предложение англичан. Затем, буквально следом, 22 февраля Китай подписывает соглашение с Германией о сдаче в 99-летнюю аренду порта Циндао с 50-километровой береговой полосой, с правом устройства военно-морской базы и двух железнодорожных концессий в Шаньдуне, а 15 марта подписывает соглашение с Россией об аренде Ляодунского полуострова с портами Люйшунь и Даляньвань (Порт-Артур и Дальний) сроком на 25 лет²⁰⁴. В этом соглашении, помимо прочего,

²⁰⁴Накануне подписания соответствующего соглашения, 14 марта 1898 года, на рейде Порт-Артура отдал якорь крейсер "Россия" с Великим князем Кириллом Владимировичем на борту – которого незадолго до этого с почестями государственного протокола принимал в Токио император Японии. На следующий день, 15 марта в 10 часов утра морякам был зачитан адмиральский приказ, содержащий "повеление Государя Императора занять вооруженными силами Порт-Артур и бухту Талиенванг, отходящие к государству Российскому в качестве арендной собственности". 16 марта в 8 часов утра на мачте крепостной батареи были одновременно подняты русский военно-морской и китайский государственный флаги – что указывало на признание Россией китайского суверенитета над Порт-Артуром [152].

оговаривается и право России на строительство южного железнодорожного пути от Харбина к Порт-Артуру (ЮМЖД). Неделью спустя, 22 марта 1898 года, Англия, заручившись согласием Японии и предъявив Китаю четырехдневный ультиматум, получает под свой контроль порт Вэйхайвэй, а 19 июня подписывает с китайскими властями протокол, по которому ее пребывание в нем прямо увязывается с присутствием России в Порт-Артуре²⁰⁵. Не осталась в стороне и Франция: 29 марта 1898 г. Париж получил в 99-летнюю аренду бухту и порт Гуанчжоу на побережье южно-китайской провинции Гуандун близ острова Хайнань. Таким образом, очередной раунд борьбы великих держав за новые сферы влияния в Китае, инициированный Германией, завершился дополнительным упрочением позиций как Германии, так и Англии и России, объективные противоречия между которыми обеспечивали китайским властям относительную гарантию сохранения номинального суверенитета над собственной страной.

По зрелом размышлении, окончательные итоги "нарезки" китайского "пирога" оказались существенно асимметричными – и на сей раз в пользу России. Во-первых, передаваемый в аренду нашей стране Ляодунский полуостров по своей площади значительно превышал все вместе взятые новоприобретения Германии, Англии и Франции. Во-вторых, через выход к незамерзающей морской акватории, он обеспечивал коммерческую состоятельность развития как русских Амурского края и Дальнего Востока, так и находящейся в сфере экономических интересов России Маньчжурии. В-третьих, принимая в расчет провинции застенного Китая и Монголию, в которых у России с 1881 года существовали исключительные торговые права, нетрудно было представить в обозримой перспективе возможность "спрямления" русской границы где-то по 40-й параллели – с присоединением Синьцзяна, Монголии и Маньчжурии. Незамерзающие порты Ляодунского полуострова делали обладание этой гигантской территорией площадью в 4 миллиона квадратных километров экономически состоятельным и эффективным.

Но у всех свежа была в памяти передача России Амурского края и Приморья. Западным дипломатам на подобном фоне не составило

²⁰⁵Тогда же, 28 мая 1898 года, Англия получила согласие Пекина и на аренду сроком на 99 лет значительной части южно-китайского полуострова Цзюлуи, расположенного напротив уже существовавшей британской островной колонии Гонконг. Именно в рамках этого договора данная территория, впоследствии получившая название Большого Гонконга, в 1997 году будет возвращена под юрисдикцию Китайской Народной Республики.

труда убедить Пекин в опасности дальнейшего упрочения позиций России на его территории. И результаты не замедлили сказаться: уже к лету 1898 года отношения между Пекином и Санкт-Петербургом стали далеки от союзнических и теперь во многом напоминали если и не предвоенный период, то уж точно самый "холодный" мир.

Из всех дальневосточных интересантов в 1897–1898 гг. одна лишь Япония не смогла ничего получить от очередного дележа "китайского пирога". В этой ситуации английская дипломатия незамедлительно – уже спустя два дня после подписания русско-китайского соглашения об аренде Ляодунского полуострова – предложила Токио заключить союз против России. Однако Япония от предложения отказалась, поскольку незадолго до этого получила от России значительные уступки в Корее. По подписанному в Токио 13 апреля 1898 года русско-японскому соглашению по "корейским делам" Россия отказалась от привилегий участника совместного с Японией кондоминиума в этой стране и отозвала из нее своих финансовых и военных советников. Обеспечив за счет этого нейтралитет руководства Японии – в то время как японское общество буквально кипело от негодования в связи с "вероломным захватом Россией Ляодуна", – российской дипломатии постепенно удалось свести на нет возникшую напряженность. И уже спустя год – 4 апреля 1899 года – Россия и Англия нашли возможным заключить так называемый "железнодорожный пакт", по которому Россия обязалась не препятствовать английским железнодорожным предприятиям в районе Янцзы, а Англия – аналогичным предприятиям России к северу от Великой китайской стены. Поскольку в конце XIX века железнодорожное строительство означало экономическое освоение территории во всей его полноте, данный документ предусматривал не что иное, как признание Великобританией экономического доминирования России во всем Севером Китае. В условиях, когда срок русской аренды Ляодунского полуострова истекать лишь в 1923 году, у России оставалось достаточно времени, чтобы – в случае благоприятного для нее развития обстановки в слабеющем Китае – преобразовать экономическое доминирование в политический контроль. И подобная возможность представится уже на следующий год.

**Китай: начало
боксерского
восстания**

В 1900 году в Китае произошли события, заставившие державы-интересанты на время забыть о собственных разногласиях. Голодной весной в центральных районах

страны вспыхнуло крестьянское восстание, которое немедленно оказалось под контролем со стороны тайного религиозного общества "Ихэцюань"²⁰⁶. Название общества, поставившего своей главенствующей целью борьбу с растущим иностранным присутствием в Китае, переводилось как "кулак во имя справедливости и мира", кулак был изображен и на его эмблеме – отсюда события в Китае 1900 года вошли в историю как "боксерское восстание". Есть все основания полагать, что "Ихэцюань" было создано если и не по инициативе, то под контролем и непосредственным покровительством императрицы Цы Си. Во всяком случае, после очередного убийства европейских миссионеров в ноябре 1899 года правительница Китая издала манифест, призывающий "на борьбу с иностранными дьяволами". Всю первую половину 1900 года Цы Си поддерживала "Ихэцюань" вполне открыто; командиры правительственных войск, официально направляемых на защиту иностранных селтльментов, получали денежное вознаграждение за уши каждого убитого иностранца.

Отряды повстанцев – "ихэтуани" ("отряды справедливости и согласия"), не встречая сопротивления, 22 мая 1900 захватили Пекин, по пути подвергая беспощадному истреблению всех не успевших скрыться иностранцев и китайцев-христиан. В самом Пекине "ихэтуани" казнили послов Германии и Японии, после чего взяли в осаду дипломатический квартал.

Вскоре попытавшийся выдвинуться к Пекину международный морской десант численностью в 2.1 тысячи штыков под командованием британского вице-адмирала Е.Сеймура, наспех сформированный из экипажей находившихся в порту Тяньцзинь иностранных военных судов, 28 мая оказался окруженным повстанцами в районе железнодорожной станции Лонгфанг. Для деблокирования отряда была необходима высадка нового десанта, чему препятствовали береговые укрепления Тяньцзина, обороняемые 30-тысячным соединением регулярной китайской армии. Но 4 июня 1900 года международное соединение под командованием русского капитана 1 ранга К.Р.Добровольского бомбардировало портовые укрепления и высадило десант,

²⁰⁶На самом деле общество "Ихэцюань" было либерально-буржуазной политической партией, в условиях запрета на политическую деятельность вынужденной действовать подпольно, опираясь на традиционные для Китая религиозные формы. Значительно продуктивнее оказалась деятельность другого тайного общества – "Чжунго гэмин тунмэнхуэй" (Китайский революционный объединенный союз), созданного христианином Сунь Ятсеном в 1905 году, добившегося победы в стране буржуазной революции, свержения маньчжурской династии и провозглашения 11 октября 1911 года Китайской республики. В дальнейшем на базе этих организаций сформировалась Национально-демократическая партия Китая (Гоминьдан), до 1949 правившая в Китайской Республике и в настоящее время сохраняющая влияние на Тайване.

пошедший на штурм "морских ворот" китайской столицы. Завязавшиеся почти на неделю кровопролитные бои принесли союзникам ощутимые потери в 800 человек (из числа которых 168 составляли российские военнослужащие) и стали основанием для объявления 8 июня официальным Пекином – указом императрицы Цы Си – войны державам-интервентам.

Шоу Шань и его “война” с Россией, имевшая последствия На следующий же день, 9 июня, регулярные китайские части, подчинявшиеся маньчжурскому генерал-губернатору (цзянцзюню) Шоу Шаню²⁰⁷, атаковали русские пограничные укрепления в районе города Айгуня и в течение двух недель через Амур наносили артиллерийские удары по Благовещенску. Была даже предпринята неудачная попытка его штурма, в которой переправившийся на российский берег десантный отряд был наголову разбит. В связи с обострением ситуации в Приамурье с 13 июня в России была объявлена частичная мобилизация, охватившая

²⁰⁷Маньчжурия как вотчина правившей в Китае династии Цинов имела статус привилегированного субъекта государства. По сути, в жестко централизованном китайском государственном устройстве это была автономия с чертами метрополии. Граждане Маньчжурии имели ряд преимуществ в гражданских правах, в особенности при прохождении госслужбы, несли значительно меньшие повинности и обременения, а власти провинции имели право самостоятельно вести сношения с сопредельными государствами. Не случайно русско-китайские договоренности о границе по Амуру и в Приморье первоначально заключались с маньчжурскими властями и лишь после этого ратифицировались центральным правительством в Пекине.

Любопытно, но даже тайное общество "Ихэцюань", ставшее организатором и вдохновителем "боксерского" восстания, позиционировало себя в качестве "антиманьчжурской партии".

Уравнивание прав китайцев с маньчжурами началось лишь в 1907 году, когда в рамках провозглашенной с 1901 года политики "Синьчжэн" (политика реформирования) был прежде всего снят запрет... на браки между маньчжурами и остальными китайцами.

Незнание (или сознательное игнорирование) особого статуса Маньчжурии в свое время сыграет злую шутку с молодой советской дипломатией. Когда в 1924 г. СССР заключит с пекинским правительством договор, восстанавливающий его долю и права на управление КВЖД, документ не будет признан властями Маньчжурии на основании того, что железная дорога находится на автономной и неподконтрольной центральным властям территории. Советскому правительству ничего не останется делать, как вступить в переговоры и перезаключить договор с руководством этой почти независимой провинции [153].

В заключение данного экскурса в историю маньчжурской автономности отметим также, что 1 марта 1932 года сформированное при поддержке японских оккупационных властей правительство Маньчжурии официально объявит о создании независимого монголо-маньчжурского государства со столицей в Чанчуне (Маньчжоу-Го), просуществовавшего до 1945 года.

6 армейских корпусов, а 4 июля 1900 года на территорию Маньчжурии, в целях предотвращения агрессии и защиты законной российской собственности на строящейся линии КВЖД, был введен крупный воинский контингент общей численностью 30 тысяч штыков. Это было как нельзя кстати, поскольку практически вся линия КВЖД к тому времени уже была в руках восставших, а подчинявшаяся Минфину вооруженная Охранная стража железной дороги вместе со строителями была вынуждена не без потерь оставить ее практически на всем протяжении, оказавшись в конце концов в окружении в районе Харбина [154].

К счастью, боевые действия против маньчжурских сил (не "ихэтуаней", а правительственной армии – *sic!*) развивались успешно, к концу августа русскими войсками были взяты все крупные города Маньчжурии. Генерал Шоу Шань, оказавшись перед фактом полного разгрома своих сил и прекрасно понимавший в этой ситуации тщетность попыток искать защиты у официального Пекина – безусловно выдававшего его бы победителям как виновника пусть короткой, но настоящей, реальной войны с Россией, – предпочел покончить с собой, проглотив заостренный золотой самородок.

Неравное умиротворение

Тем временем из взятого союзным десантом порта Тяньцзиня выступил в поход на захваченный "ихэтуанями" Пекин 19-тысячный международный экспедиционный корпус под командованием командира 1-го Восточно-Сибирского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Н.П.Линевича. 1 августа 1900 года союзники штурмом овладели китайской столицей и освободили дипломатический квартал. Ранее бежавшая в Сиань императрица Цы Си была вынуждена объявить руководителей и участников восстания вне закона, дезавуировав тем самым свои предыдущие указы и призывы к "борьбе с захватчиками". Страны-участники интервенции и похода на Пекин, заинтересованные в сохранении в Китае легитимной власти, легко согласились с подобной метаморфозой. Тем более, что после восстановления порядка в стране "законному правительству" надлежало подписать с "державами" Заключительный протокол от 25 августа 1901 года, в котором на Китай возлагалась очередная контрибуция в размере 450 млн. лянов²⁰⁸ с обязательствами казнить руководителей восстания,

²⁰⁸«Боксерская контрибуция» выплачивалась китайскими властями до начала 1930-х годов, при этом долю России получал СССР. Согласно одностороннему обязательству, принятому на себя советским правительством, указанные деньги тотчас

согласиться на присутствие иностранных войск в районе между Тяньцзинем и Пекином, ввести двухгодичный мораторий на закупку вооружений, а также поставить памятники убитым дипломатам.

Однако Россию положения Заключительного протокола интересовали в значительно меньшей, чем ее западных союзников, степени. В условиях спровоцированного “боксерским” восстанием сильнейшего ослабления центральной императорской власти в Китае, основу интересов России стала составлять защита ее собственности в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове с распространением на эти территории военного и политического контроля. Безусловно, с точки зрения международного права и Маньчжурия, и Ляодун продолжали принадлежать Китаю. Однако, во-первых, пекинская власть в 1900 году продемонстрировала свою вопиющую слабость и неспособность защитить самую себя от внутренних беспорядков. Во-вторых, как минимум дважды она вступала с Россией в состояние войны: указом Цы Си от 8 июня 1900 года и фактическими агрессивными действиями маньчжурского генерал-губернатора Шоу Шаня, предпринявшего попытку захватить Благовещенск. В этих условиях Россия имела полное право, добившись военных успехов на китайской территории, принудить *любую* легитимную власть, в тот момент существовавшую на ней, как к компенсации нанесенного России ущерба, так и к созданию условий, исключавших бы в будущем подобные агрессивные проявления.

Заметим, что в ходе “боксерского” восстания Россия понесла значительно больший ущерб, нежели ее западные союзники, в том числе единственная из них столкнулась с прямой агрессией на собственную территорию. И хотя с позиций сегодняшнего дня, после двух мировых и несчетного числа региональных войн XX века неудачную попытку китайского десанта атаковать Благовещенск трудно назвать агрессией – для должного понимания действий России в тот период эти предпосылки необходимо иметь в виду.

При всем при этом Россия проявила максимум корректности к китайской стороне: именно русские части первыми, всего лишь по истечении 12 суток после занятия союзниками Пекина, были отозваны из китайской столицы, а также не принимали участия в кровавых карательных операциях, проводимых в ее окрестностях (провинция Чжили) под руководством германского генерал-

же передавались на нужды народного просвещения в Китае. К 1927 году платежи из российской (советской) доли контрибуции превратились в основной источник финансирования среднего образования в Китае [155].

фельдмаршала фон Вальдерзее. Русские войска еще вели боевые действия в Маньчжурии, а в циркулярной телеграмме управляющего Министерством иностранных дел России от 12 августа доводилось до сведения всех заинтересованных сторон, что основу нашей политики по отношению к китайским событиям будет составлять "сохранение исконного государственного строя в Китае и устранение всего того, что могло бы привести к разделу Поднебесной империи". Далее указывалось, что "если мы и были вызваны действиями китайцев ко вводу своих войск в Маньчжурию..., то эти временные меры отнюдь не могут свидетельствовать о каких-либо своекорыстных планах, совершенно чуждых политике императорского правительства, и как скоро в Маньчжурии будет восстановлен прочный порядок и будут приняты меры к ограждению рельсового пути, Россия не преминет вывести свои войска из пределов соседней империи, если, однако, этому не послужит препятствием образ действий других держав" [156].

Права России

Удивительно, насколько миролюбивым и выдержанным было данное заявление российской стороны в условиях продолжающихся против нее агрессивных действий²⁰⁹, которые, несмотря на свою "формальную" стихийность, пользовались негласной, но деятельной поддержкой со стороны преобладавшей в высшем китайском руководстве родовой маньчжурской аристократии. По праву обороняющейся стороны Россия имела полное основание по меньшей мере на неопределенный срок оккупировать Маньчжурию с передачей всей полноты гражданской власти своей оккупационной администрации (наместничеству). Подобный шаг вполне соответствовал принципам межгосударственных отношений той эпохи. Кроме того, он вряд ли встретил бы протест остальных держав, поскольку по меньшей мере часть из них – Германия, Франция и Япония, – также не отказали бы себе в удовольствии оккупировать часть китайской территории. Стратегически Россию вполне бы устроил вариант с ликвидацией Цинской государственности и разделением Китая на ряд суверенных или объединенных в рыхлую конфедерацию провинций. Будучи куда

²⁰⁹Бои в Маньчжурии велись практически еще целый месяц – по первую декаду сентября включительно, – после чего русские войска оказались надолго втянутыми в борьбу с партизанами-хунхузами. Крупные войсковые операции против хунхузов продолжались и весь 1901 год, и даже во время войны с Японией в 1904–1905 гг. русское командование было вынуждено держать в тылу значительные силы для противодействия "маньчжурским разбойникам".

менее приемлемым для Англии, чьи позиции в Китае оказались бы в этом случае территориально расчлененными, подобный исход восстания "ихэтуаней" быстро привел бы Россию к постепенному обретению контроля над землями застенного Китая, где наша страна к тому времени уже имела неплохие экономические позиции, а наличие общей сухопутной границы полностью бы решало проблему военно-политического контроля. И тогда ночной кошмар британских газетчиков в образе "русского медведя, сползающего к Желтому морю со своих сибирских ледников", превратился бы в геополитическую реальность.

Будем реалистами: планы по обретению контроля над землями застенного Китая *не могли не существовать и не прорабатываться* руководством России, за исторически ничтожный срок последних 100 лет сумевшей стремительно расширить свои владения в Закавказье, на Дунае, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Народное сознание незамедлительно отреагировало на впечатляющее закрепление России в Маньчжурии появлением в обиходе географического термина *Желтороссия* – по аналогии с Малороссией, Новороссией и т.д. Тем не менее российская дипломатия на Востоке действовала достаточно осторожно, стараясь каждый шаг соизмерять с экономической целесообразностью и военно-политическими возможностями страны. Так, совершенно очевидно, что Маньчжурия не имела шансов немедленно войти в состав России на правах титульной территории, а лишь в качестве протектората. В руководстве страны прекрасно понимали и то, что в случае слияния в едином правовом и хозяйственном поле практически незаселенного Приамурья с Приморьем и густонаселенной Маньчжурии²¹⁰ "слабые русские поселения были бы потоплены нахлынувшими волнами желтой расы. Восточная Сибирь сделалась бы вполне нерусской" [157].

Необходимо также отметить, что сложившаяся на тот момент система выработки решений по Дальнему Востоку была весьма сбалансированной: все "военно-экспансионистские" решения, как правило, подвергались обоснованной и решительной критике и противодействию со стороны Витте, не отвергавшего в принципе их целесообразности, однако настаивавшего на необходимости первоочередного укрепления и расширения в Маньчжурии российского экономического присутствия и влияния.

²¹⁰Только в северной, пограничной с Россией части Маньчжурии в начале XX века проживало свыше 1.5 млн. человек – в то время на русских землях к востоку от Байкала проживало менее 400 тысяч

Но это экономическое влияние могло, на тот момент, состояться исключительно через КВЖД, делу сооружения которой в ходе "боксерского" восстания был нанесен значительный урон. Восставшие почти полностью разрушили железнодорожное полотно (из 1,400 километров пути, уложенного к лету 1900 года, неповрежденными оставались только 430 км), срубили телеграфные столбы, сожгли почти все станционные постройки. Общая сумма убытков составила 71 млн. рублей²¹¹. С восстановлением и завершением строительства дороги нельзя было медлить еще и потому, что в ее отсутствие крайне проблематично было обеспечивать безопасность русского Приморья, не говоря про Порт-Артур и лесные концессии в Корее. Поэтому, не переставая пикироваться с военными по тактическим вопросам присутствия в Маньчжурии, Витте бросает все возможные ресурсы вверенного ему Минфина на восстановление и завершение рельсового пути к Владивостоку. Уже спустя два месяца после прекращения активных боевых действий восстанавливается западный участок КВЖД от Харбина до Цицикара, а в феврале 1901 года осуществляется смычка пути от Харбина до Владивостока. Южная, наиболее пострадавшая в ходе беспорядков линия от Харбина к Порт-Артуру будет восстановлена к июлю 1901 г. [158]. Однако, как вспоминал в своих мемуарах главнокомандующий русскими силами на Дальнем Востоке в годы войны с Японией генерал-адъютант А.Н.Куропаткин, "несмотря на успешные железнодорожные работы и усиление охраны, спокойствия на дороге не было; поезда ходили под конвоем, случаи нападения хунхузов были не редки, доверия к туземным властям и населению не явилось. Все это указывало, что *если ограничиваться охраной только тонкой линии дороги, то при первом волнении железная дорога может быть разрушена во многих местах* <курсив автора>. В особенности тревожным представлялось положение России, если бы она, атакованная на западе, вынуждена была вести одновременно войну и на востоке" [159]. Все свидетельствовало о том, что выводить 70-тысячный воинский контингент из Маньчжурии было преждевременно. Содержание столь значительных оккупационных сил увеличивало расходы по смете военного ведомства, что не могло не волновать министра финансов, куда более заинтересованного в казначейском финансировании более близких ему "экономических" проектов на

²¹¹По золотому паритету сумма убытков соответствовала 54.9 тонны чистого золота, что в современном масштабе эквивалентно примерно 700 миллионам долларов США.

возможность личного общения с очевидцами и участниками тех событий. Поэтому перспектива вооруженной защиты “русской Маньчжурии” виделась не только более чем вероятной, но и столь же предопределенно успешной в своем конечном результате.

Пока же дело оставалось за малым: добиться согласия официального Пекина, с сохранением легитимности власти которого Россия согласилась в уже упоминавшемся нами циркулярном письме МИДа от 12 августа, на признание в Маньчжурии, помимо экономических, также и политических интересов России. В российском проекте межгосударственного соглашения по Маньчжурии, представленного Китаю 26 января 1901 года, содержались следующие принципы, ограничивающие суверенитет Китая над этой территорией: i) китайское правительство должно было отказаться от права предоставления концессий в застенном Китае кому-либо, за исключением России, ii) предоставить России новую концессию на строительство железной дороги от КВЖД к Пекину²¹², iii) вывод из Маньчжурии китайских войск до окончания строительства КВЖД, с лимитированным их присутствием в последующем; iv) право России требовать смены в Маньчжурии любых местных властей и v) право не выводить из Маньчжурии русские войска сколь угодно долго – до окончательного “водворения спокойствия”. В феврале в Пекине начались секретные переговоры, которые с китайским канцлером Ли Хунчжаном вел директор Русско-китайского банка князь Э.Э.Ухтомский.

Однако уровень уступок, затребованных российской стороной, оказался для китайских властей неприемлемо высоким. Речь в конечном итоге шла не просто о слаборазвитой окраине, а о родовой вотчине правящей маньчжурской династии. И хотя все наиболее влиятельные маньчжурские роды давно перебрались в столичную область, а требования России несколько не ущемляли земельно-феодалных интересов, официальный Китай решил сопротивляться. В нарушение конфиденциального статуса переговоров, Ли Хунчжан поставил в известность о требованиях российской стороны западных дипломатов, и 1 марта 1901 года последовал совместный протест Англии, США, Италии, Австро-Венгрии и Японии (к протесту отказалась присоединиться лишь Франция). Переговоры зашли в тупик, и 24 марта китайское правительство отказалось подписывать российский проект соглашения по Маньчжурии.

²¹²Рельсовый путь от КВЖД к Пекину по военно-стратегическим канонам “дотанковой” эпохи означал возможность, в случае необходимости, быстрого развертывания и продвижения к китайской столице русских воинских соединений.

В отсутствие урегулирования проблемы на дипломатическом уровне Маньчжурия продолжала оставаться занятой русскими войсками, под охраной которых стремительными темпами продолжались строительные работы на КВЖД. К 21 октября 1901 года на всем протяжении основной линии дороги и южно-маньчжурского участка до Порт-Артура (ЮМЖД) была завершена укладка рельсового пути и открыто техническое движение поездов.

Вскоре Китай выступил с инициативой о возобновлении переговоров. В ответной ноте от 22 августа 1901 года российская сторона сняла наиболее болезненные для китайского суверенитета требования, ограничившись принципом непредоставления третьей стороне концессий в Маньчжурии, если от них не откажется Русско-китайский банк. Россия соглашалась на вывод войск к лету 1903 года, однако взамен китайские власти должны были обеспечить полноценную охрану железнодорожных линий. Было понятно, что данное требование Китай выполнить не в состоянии, в силу чего Россия получала бы основания для сохранения своего военного присутствия в зоне КВЖД. В очередной раз китайская сторона раскрыла содержание переговоров перед западными дипломатами, чьи правительства вновь потребовали от России придерживаться в отношениях с Китаем принципа “равных возможностей”. Затянувшиеся русско-китайские переговоры прекратились со смертью Ли Хунчжана в ноябре 1901 года.

Несмотря на провал переговоров, нашу страну вполне устраивал сложившийся *status quo*. Территория Маньчжурии фактически находилась под российским протекторатом, по линиям КВЖД и ЮМЖД уже начинались перевозки первых грузов, вперед всего направлявшихся для строительства укреплений Владивостока и Порт-Артура. Китай не имел ни военных, ни политических ресурсов принудить Россию к выполнению собственных требований. Западные державы, протестовавшие против оккупации Маньчжурии, не были готовы перейти в этом вопросе к более решительным действиям, поскольку русское присутствие в Маньчжурии не ущемляло непосредственно их интересов, а военно-политическая ситуация в Европе на тот момент исключала силовые действия против России. *В этих условиях единственной страной, готовой вступить с Россией в противоборство на восточном театре, становилась Япония.*

Непродолжительные колебания Японии

Япония не просто была готова вступить в противоборство с Российской империей – преобладающая часть ее правящей элиты деятельно желала и жаждала войны. Япония стремилась к скорейшему политическому самоутверждению и равноправному вхождению в клуб мировых лидеров, для чего требовалось продемонстрировать силу и удачливость в противостоянии с кем-либо из "членов клуба" – подобно тому как поступили США, развязав и выиграв в 1898 году войну за заморские владения дряхлеющей Испании.

Однако Российская империя – не Испания, и вступать с ней в открытое противоборство без союзнической поддержки на Западе Япония никогда не решилась бы. Долго искать союзника не пришлось.

Ни для кого в начале XX века не было секретом японо-английское сближение. Поскольку на тот момент явных противоречий между этими странами не существовало, в лице Англии японское руководство видело и богатого кредитора, и донора военно-технологического содействия, и страну, из всех других держав наиболее обеспокоенную успехами России на азиатском континенте. Обретение на Дальнем Востоке надежного и сильного союзника было также и целью английской дипломатии. Несмотря на вызванную японской агрессией против Китая гибель британских граждан в 1895 году, Англия продемонстрировала Японии жест доброй воли, отказавшись от участия в "русском" демарше 1896 года против оккупации Ляодунского полуострова. Другим существенным для Японии активом британской дипломатии стало содействие мирному вытеснению России из Кореи в 1898 году. Согласованные действия Японии и Англии по занятию китайского порта Вэйхавэй в 1898 году зримо продемонстрировали всему миру растущее японо-английское сближение. Но Англия, не желая осложнять собственных отношений с Россией, предпочитала, пока это было возможно, открыто не блокироваться с Японией, а пытаться реализовывать свои интересы методом "дипломатической индукции", склоняя Японию первой выказывать инициативу в вопросах противостояния с Россией на Дальнем Востоке, затрагивающих британские интересы.

До самого 1902 года Япония, как придирчивая невеста, не была готова сделать однозначный выбор в пользу союза с "владычицей морей". В азиатско-тихоокеанском регионе из всех держав Англия

из сторон оказать другой вооруженную поддержку (вступить в войну) в случае войны своего союзника с несколькими державами. Тем самым Япония добивалась невозможности выступления на стороне России в будущей войне Франции²¹³, Германии или Китая, на тот момент не готовых конфликтовать с Англией.

Пройдет несколько десятилетий – и интересы Японии и Великобритании на азиатском континенте действительно столкнутся в блоковом противостоянии Второй мировой войны. Однако это произойдет лишь после того, как, вытеснив из Китая Россию, а в 1914 году и Германию и продемонстрировав всему миру концепцию "Великого пояса азиатского процветания", суть которой сводилась к лозунгу "Азия для Японии и без европейцев", Япония непосредственно вторгнется в зоны интересов Англии и ее союзников²¹⁴. В 1902 году до этого было еще далеко, в то время как противоречия с интересами России уже лежали как на ладони.

Здесь будет уместно сказать и несколько слов в опровержение распространенного тезиса о том, что-де именно Великобритания вооружила и подготовила к войне с Россией буквально “вылезшую из пеленок” Японию. Споры нет, без английских кредитов Япония не смогла бы к 1904 году выставить первоклассный флот. Однако английский кредит не являлся, как часто у нас считают, закамуфлированной платой Японии за войну с Россией, а был выдан

²¹³После заключения англо-японского союза Россия предприняла попытку восстановить *status quo*, подписав 3 марта 1902 года совместную русско-французскую декларацию по Дальнему Востоку. Однако французское правительство, пестовавшее союзные отношения с Россией прежде всего ради поддержки в грядущей войне с Германией и не заинтересованное потому в отвлечении сил союзника на Дальнем Востоке, согласилось лишь на малообязывающее признание общности интересов двух держав в том регионе: "Будучи вынужденными учитывать возможность враждебных действий других держав либо повторения беспорядков в Китае, оба союзных правительства оставляют за собой право озаботиться в такого рода случаях принятием мер, необходимых для охраны их интересов".

²¹⁴После мирового экономического кризиса 1929 года, поставившего японскую экономику на грань краха, правительство императора Хирохито (прав. 1926–1989 гг.) примет стратегическое решение добиваться устойчивого развития страны через территориальную экспансию. Отказавшись в 1931 году от золотого обеспечения иены и приступив к реализации модели мобилизационной экономики, Япония, невзирая на протесты Лиги наций, оккупирует Маньчжурию и провозглашает на ее территории марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с бывшим китайским императором Пу И (1 марта 1932 года). В 1937 году Япония вторгнется в северо-восточные районы Китая, захватив Пекин и Шанхай, блокирует британскую концессию в Тяньцзине (1939 г.) и разовьет наступление во французском Индокитае. После объявленной в 1940 году США и Великобританией нефтяной блокады Японии японские войска вторгнутся в богатую нефтью голландскую Индонезию. К 1942 году, который станет пиком японской экспансии, “Страна восходящего солнца” будет контролировать огромную территорию от Кореи до восточных границ Индии и Новой Гвинеи.

на достаточно жестких условиях и под характерное для англичан обеспечение – залоговый контроль над японскими таможенными. Как видим, именно во имя своих “высших интересов” японское правительство согласилось на столь обременительную зарубежную поддержку. Страна в принципе была готова и могла воевать и без нее, всецело полагаясь на собственные силы и боевой дух, и война с Китаем 1894-1895 гг. это в полной мере это подтвердила. В лице Японии Россия столкнулась с действительно достойным и самоотверженным противником, способным стратегически мыслить и действовать, исходя не из обязательств перед зарубежным спонсором, а из собственных интересов. В силу этого фактора грядущая русско-японская война не обернется заурядной “колониальной кампанией”, а станет осмысленным противостоянием двух самодостаточных сил.

Дипломатическое отступление, которое не состоялось

Перед лицом свершившегося японо-британского союза и “благожелательного нейтралитета” в пользу Японии, заявленного в начале 1902 года правительствами Германии и США, Россия была вынуждена отказаться от вполне устраивавшей ее нерешенности “маньчжурского вопроса”. 26 марта 1902 г. в Пекине наконец подписывается соглашение, по которому Россия обязывалась вывести свои войска из Маньчжурии к осени 1903 года, при этом никаких увязок с исключительными правами России на железнодорожные и иные концессии в застенном Китае в соглашении не содержалось.

Как только в конце лета 1902 года Россия приступила к выводу войск из Западной Маньчжурии (откуда они создавали наибольшую угрозу Пекину)²¹⁵, японская дипломатия выступила с достаточно наглым предложением: признать японский протекторат над Кореей в обмен на сохранение за Россией в Маньчжурии контроля исключительно над линией КВЖД. Не смущало Японию даже то, что по ее же недавнему договору с Англией Корея признавалась “неприкосновенной”. Коль скоро Корея, обретшая независимость от Китая в 1896 году и пользовавшаяся покровительством ведущих держав, спустя 7 лет становилась японским протекторатом, нетрудно было представить судьбу беззащитной Маньчжурии. Поэтому, если

²¹⁵Русские войска из юго-западной части Маньчжурии, в строгом соответствии с соглашением, были полностью выведены к 24 сентября 1902 года.

до момента обнародования японских предложений у России еще и могли сохраняться иллюзии по поводу реальных интересов Японии и их пределов, то к сентябрю 1902 года все встало на свои места: Россия и Япония являются антагонистами, и война между ними неизбежна.

Наступивший 1903 год стал годом подготовки к уже очевидному вооруженному противостоянию. На Особом совещании в Санкт-Петербурге в январе 1903 года было принято решение о приостановке эвакуации войск из Маньчжурии – за исключением "священной" для Цинской династии Мукденской провинции. 24 марта 1903 года в Пекин была направлена российская нота, в которой вывод войск увязывался с требованиями непредставления никакой из третьих сторон концессий, торговых пунктов или территорий в Маньчжурии, недопущении туда без согласия России иностранных консулов и гарантией неназначения иностранцев в местную администрацию. Отказываясь от военного присутствия в Маньчжурии, Россия не была готова отказаться от правомочий пусть не прямого протектората, однако исключаящих политическое и экономическое доминирование на данной территории третьих сил. Но, подобно ситуации 1901 и 1902 гг., вмешательство в переговоры тех самых "третьих сил" в лице Англии, США и Японии снова сделало официальный Пекин неуступчивым: китайское руководство великодержавно объявило, что готово вести какие-либо переговоры с Россией по маньчжурским вопросам исключительно после полной эвакуации войск. Только реализовать свою волю на деле оно не могло, и русские части продолжали оккупировать северо-восточный Китай. Более того, войска были вновь введены в оставленные было Мукден и порт Инкоу [162]. Наконец, 30 июля 1903 года указом императора Николая II было создано *Дальневосточное наместничество* – орган государственного управления с весьма широкой территориальной ответственностью. Наместничество не только дублировало многие функции гражданской и военной администрации в Амурской области и Приморском крае, в зоне КВЖД и на арендованном до 1923 года Ляодунском полуострове, но и отвечало за территорию, на которой в тот момент стояли русские войска, – т.е. фактически за всю Маньчжурию, за исключением ее юго-западной части, обращенной к Пекину.

Что же произошло? Почему российское руководство, которое еще в 1896 году вполне устраивали корректные соглашения по КВЖД со скрупулезной проработкой юрисдикционных вопросов, к

1903 году решилось на фактический захват северо-восточного Китая?

**Частные интересы дела
и государственная воля**

Часто на этот вопрос отвечают так: причиной для продолжения оккупации, приведшей к русско-японской войне, стала позиция группы высших должностных лиц, имевших в Маньчжурии и Корее некие "личные интересы". При этом в качестве основного из них указывается пресловутая лесная концессия на реке Ялу.

Действительно, сразу же после завершения русско-японской войны, под влиянием глубочайшего разочарования и нарастающих революционных событий, в русском общественном мнении сформировалась точка зрения, по которой виновниками "дальневосточной авантюры" стала "реакционно-милитаристская клика" в составе заместителя адмирала Е.И.Алексеева, его столичного куратора контр-адмирала А.М.Абазы, статс-секретаря Особого совещания по делам Дальнего Востока А.М.Безобразова, министра внутренних дел В.К.Плеве, великого князя Александра Михайловича, графа И.И.Воронцова-Дашкова, помещика и предпринимателя средней руки М.В.Родзянко и др. Что якобы их личные и узкокорыстные интересы, сконцентрированные в корейской лесной концессии, будучи противопоставленными государственным интересам предприятий Витте, привели к разрыву отношений с Японией и к войне. В других случаях виновником войны назывался, наоборот, С.Ю.Витте, за которым усматривали корыстный интерес в тех самых "государственных предприятиях" на территории Китая. С минимальными модификациями, данная точка зрения перекочевала в советскую историческую традицию, охотно объяснявшую "империалистическую войну на Востоке" жадностью и амбициозностью эксплуататорского класса²¹⁶. Да и в постсоветской России мы слышим о причинах русско-японского противостояния мало что нового: от авантюры, спровоцированной жадностью первых русских олигархов в лице великих князей и их "странного" окружения" [163] – до закономерного результата "имперской модели развития", основанной на "радикальной

²¹⁶В то же время необходимо отметить, что серьезные советские исследователи, в частности, Б.А.Романов, убедительно показали второстепенность роли как Витте, так и "Безобразова со компанией" в развязывании войны, поскольку "дальневосточная политика России явилась причиной русско-японской войны отнюдь не в большей мере, чем политика японского империализма" [165, 166].

переоценке собственных сил и легкомысленной воинственности" [164].

Увы, все было далеко не так. История России, изобилующая множеством примеров сумасбродства правителей и временщиков, в то же время убедительно свидетельствует и о том, что безумные или мотивированные чьими-то узкокорыстными интересами решения крайне редко попадали в плоскость практической реализации на государственном уровне. Этому препятствовали и известная инерционность госаппарата, и обширность круга субъектов, которых всякий раз приходилось бы вводить в курс дела, а в случае заведомой несправедливости последнего – убеждать или "дополнительно мотивировать". Сказывалась, не будем тому удивляться, и достаточно высокая демократичность русского общества, традиционно охотого до обсуждения *всех* вопросов политики, ее персоналий и демонстративно игнорирующего "запретные сферы". Пожалуй, единственным случаем, когда сумасбродная идея правителя, вопреки общественному мнению, начнет реализовываться в военно-политической сфере, станет несостоявшийся поход Павла I в Индию. К началу же XX века власть куда в более значительной степени учитывала общественные интересы и возможную гражданскую реакцию на свои действия.

Поэтому объяснение причин русско-японской войны корыстью и ограниченностью мышления "клики временщиков", по меньшей мере, вульгарно. Мы уже имели возможность убедиться, что зерно японской агрессии против России было посеяно задолго до 1903–1904 гг. Действия тех или иных политиков если что и могли изменить, то только срок и форму предлога для открытия вооруженных действий. Понятно, что уязвленное военными неудачами русское общество жаждало найти виновных, в роли которых успели побывать практически все персоналии, игравшие в тот период сколь-либо заметную роль в осуществлении политики России на Дальнем Востоке.

Так кем же были они, эти корыстолюбцы из "безобразовской шайки"?

**Фигуранты
дальневосточной
интриги**

Александр Михайлович Безобразов, статс-секретарь Дальневосточного наместничества, фамилия которого стала почти что нарицательной, в свое время обычным офицером проходил службу в Восточной Сибири,

дослужившись до полковника. Вся вина его состояла в том, что еще в 1898 году в служебной записке на имя императора, переданной через великого князя Александра Михайловича, он обратил внимание на целесообразность закрепления России в только что получившей независимость Корею путем приобретения лесной концессии на реке Ялу. Как мы знаем, по результатам активной дипломатической поддержки Россией законных корейских властей, 16 августа 1896 года корейское правительство передало права на эту концессию владивостокскому предпринимателю Ю.Бриннеру. Последний, не имея достаточного капитала для ее самостоятельного освоения, в 1898 году переуступил свои права на концессию созданному по инициативе и при участии А.Безобразова "Русскому лесопромышленному товариществу". Формально товарищество было частным предприятием (что было необходимо для соблюдения условий концессионного договора), однако финансировалось исключительно за счет казенных субсидий. Первый "изыскательский взнос" в сумме 70 тыс. рублей из кабинетских сумм отпустил ему лично Николай II²¹⁷. Товарищество имело высокопоставленных покровителей, в силу политических причин и дипломатических обстоятельств предпочитавших оставаться в тени: в частности, вдовствующую императрицу, великого князя Александра Михайловича²¹⁸, министра внутренних дел В.К.Плеве и др. Льготный кредит товариществу в сумме 2 млн. рублей²¹⁹, несмотря на крайнюю степень неприязни, в январе 1903 года был вынужден предоставить возглавляемый Витте Минфин. Тем не менее в способе финансирования товарищества и заинтересованности в его деятельности высших должностных лиц не было ничего криминального, ведь именно так в свое время развивалась знаменитая "Русско-американская компания", акционерами которой поочередно становились российские императоры, или Ост-Индийская компания, подарившая британской короне ее "лучшую жемчужину" – Индию. Впрочем, очевидно и то, что "Лесопромышленное товарищество" формировалось в качестве противовеса дальневосточным предприятиям Витте, которого, в отличие от своего отца, Николай II недолюбливал. Именно в этом заключалась причина перманентного конфликта по вопросам Маньчжурии и Кореи Минфина и МИДа (В.Н.Ламсдорф), с одной

²¹⁷По используемому нами пересчету по золотому паритету, эта сумма была эквивалентна современным 700 тыс. долларам США

²¹⁸Великий князь Александр Михайлович "перестал участвовать в работах комиссии по эксплуатации лесной концессии на Ялу" в 1902 году [167]

²¹⁹Эквивалентно современным 19.9 млн. долларов США

стороны, и учрежденных не без инициативной поддержки Безобразова и других членов правления "Товарищества" Дальневосточного наместничества и Особого комитета по Дальнему Востоку, с другой. В силу конъюнктурно-бюрократических обстоятельств, наместничество и комитет, начиная со второй половины 1903 года, начнут пользоваться большим доверием императора и, соответственно, чаще смогут перехватывать инициативу у "природно-государственных" Минфина и МИДа. Наместничество и Особый комитет вошли в историю в качестве разрушителей хрупкого дальневосточного мира. Однако случись все наоборот – и тогда именно Минфин и МИД, а уже не учреждения "безобразовской клики", предстали бы в массовом сознании основными виновниками русско-японской войны.

Не меньше досталось от общественного мнения и человеку, которому выпало стать главой Дальневосточного наместничества, – адмиралу Евгению Ивановичу Алексееву. Добросовестный и честный служака, единственным недостатком которого могли считаться чрезмерное служебное рвение и "излишний" патриотизм, не будучи уличен ни в чем предосудительном, в конце концов будет причислен молвой к внебрачным сыновьям Александра II. Пресловутая принадлежность наместника к императорскому дому, казалось бы, должна была убедительно продемонстрировать все те же "корыстно-личностные мотивы" политики России в Маньчжурии и Корее. Однако "на самом деле Е.И.Алексеев родился в 1842 году в Севастополе в семье капитан-лейтенанта Ивана Максимовича Алексеева, который в 1815 г. был выпущен из Морского корпуса из гардемарин в мичмана... В отличие от Яковлевых и Сухово-Кобылиных, Алексеевы сами себя не причисляли к императорской родне. Это сделали другие. Налицо придворная сплетня, запущенная кем-то из числа позавидовавших карьере провинциала" [168].

Да и в самой лесной концессии на реке Ялу при объективном рассмотрении также трудно найти что-либо предосудительное. Идея перекупить у не имевшего ни достаточных капиталов, ни необходимого в подобных делах политического влияния Ю.Бриннера лесную концессию была абсолютно здоровой и разумной. Открываемые концессией для эксплуатации сказочные – даже для богатой лесами России – запасы почти в миллиард кубометров ценной древесины в долинах пограничных рек Туманган и Ялу и на острове Уллындо вкупе с удобными транспортными коммуникациями и близостью развивающихся рынков объективно сулили национальному капиталу полноценное и прочное

закрепление в регионе. Выше мы уже приводили стоимостную оценку концессионных активов в современных ценах – не менее 50 млрд. долларов США. При предусмотренном концессионным договором 20-летнем периоде эксплуатации ее годовой оборот мог составлять порядка 2.5 млрд. "современных" долларов США – что сопоставимо со всеми аналогичным образом пересчитанными капитальными затратами, понесенными Россией по сооружению КВЖД. Затратами, которые, кстати сказать, после ухода России из Маньчжурии так никогда и не окупились.

Неприятным парадоксом стремительного территориального расширения России на Дальнем Востоке было то, что национальных ресурсов капитала для быстрого и эффективного освоения этой огромной территории хронически не хватало. Ни московская буржуазия, прочно державшаяся за традиционные отрасли, ни иностранный капитал, в условиях покровительственного тарифа легко освоивший импортозамещение на внутреннем рынке, не были склонны к активным инвестициям на Востоке. Сибирская капиталистическая консорция, в свое время подававшая большие надежды, не успела развиться далее чайной торговли, бодайбинских золотых приисков и алтайских маслбоек. Отсюда к освоению лесных богатств Кореи, равно как и любого другого проекта аналогичного масштаба, могла в тот момент приступить исключительно санкт-петербургская предпринимательская консорция – да и то при условии сильнейшей помощи со стороны государства. В силу именно этих причин докладная записка полковника Безобразова быстро нашла покровителей и поддержку именно там, где она единственно могла воплотиться в жизнь, – при дворе. При этом заметим, что высокопоставленные покровители не поспешили, как это обычно делается, избавиться в нужный момент от инициативного полковника, а обеспечили ему пост управляющего лесопромышленной компанией и престижную должность в наместничестве.

С 1898 по 1901 гг. номинальным держателем лесной концессии являлся поверенный в делах России в Корею Н.Г.Матюнин. С 29 июня 1901 года права на нее перешли к "Восточно-Азиатской промышленной компании", основным акционером которой стало "Русское лесопромышленное товарищество". Среди концессионеров были близкие ко двору кланы Воронцовых-Дашковых и Шуваловых, богатейший русский лесопромышленник того времени И.П.Балашов, в 1902 году, в отсутствие Безобразова, концессией временно руководил М.А.Гинсбург – знаменитый поставщик угля и бункера

для русской тихоокеанской эскадры, усилиями и финансовыми средствами которого флот встретил войну с Японией с достаточными резервами. На протяжении 1902 года шли пробные заготовки древесины на корейском берегу реки Ялу, через порт Дальний налаживался ее экспорт. Принимая во внимание ослабление позиций России в Корее, Безобразов обратился к маньчжурским властям за разрешением на вырубку леса на китайском берегу Ялу. Это разрешение было получено в начале 1903 года, после чего, для обеспечения безопасности лесозаготовок, в район маньчжурско-корейской границы была выдвинута "лесная стража" в составе нескольких казачьих отрядов в полевой форме и при артиллерийской поддержке. Появление в районе Ялу вооруженных соединений русской армии навлекло на организаторов концессии шквал обвинений в нарушении нейтрального статуса Кореи, оккупационных устремлениях и т.д. и явилось катализатором предвоенных событий.

**“Твердый курс”
против “открытых
дверей”**

Но вернемся в сферу военно-политических отношений на Дальнем Востоке в 1903 году. И так, вместо вывода русский частей из Маньчжурии, который должен был быть завершен осенью, войска остаются и даже усиливаются. Создается Дальневосточное наместничество – орган государственного управления как арендованными, так и занятыми китайскими территориями. В районы лесозаготовок по маньчжурско-корейской границе под видом "лесной стражи" вводятся войска. Переговоры с Китаем заходят в тупик, при этом совершенно очевидно, что неуступчивость Пекина поддерживается усилиями Англии, Японии и США.

1 июля 1903 на линии КВЖД открывается сквозное движение, дорога вводится в коммерческую эксплуатацию. Однако пропускная способность магистрали ограничена байкальской паромной переправой, позволяющей обрабатывать в сутки не более трех составов. В результате должных резервов не имеют не только войска, расквартированные в Маньчжурии, но и на части территории русского Приморья. Эксплуатация железной дороги осуществляется в крайне беспокойном окружении, требуя постоянной вооруженной охраны. В этих условиях ни о каком развитии на базе КВЖД национального предпринимательства не может быть и речи. Недостаток желающих рискнуть собственным капиталом приходилось восполнять государственными проектами.

Возглавляемый Витте Минфин, помимо эксплуатации железной дороги и содержания при ней корпуса охранной стражи, создает два пароходства – морское и речное (р.Сунгари), – а также форсирует, не без ущерба для усиления фортификации Порт-Артура, развитие коммерческого порта Дальний. О самостоятельности и фундаментальности действий русского Минфина говорит тот факт, что “выбор системы артиллерии для охранной стражи и покупка таковой за границей <были> произведены... без сношения с Военным министерством... Часть судов <речной> флотилии получила вооружение и команды” [169]. Одновременно наращивало свою активность и “лесное товарищество”. Пользуясь недавно полученным двухмиллионным кредитом и неограниченными административными ресурсами внутри Наместничества, Безобразов форсирует создание в бассейне Ялу вооруженного заслона, получая для этой цели регулярные части с прикомандированными офицерами²²⁰.

Абсолютная ясность решения России отказаться от выполнения взятых ранее обязательств вывести из Маньчжурии войска, при этом всемерно форсируя на ее территории немногочисленные коммерческие проекты, последовала после министерского совещания по Дальнему Востоку, состоявшегося под председательством Николая II 7 мая 1903 года. На этом совещании было официально объявлено о радикальном изменении позиции России по вопросу выполнения соглашения о выводе войск от 26 марта 1902 года и о “новом курсе” всей дальневосточной политики страны. На совещании было констатировано, что предъявляемые России требования о распространении на территорию северо-восточного Китая принципа “открытых дверей” за короткий срок уничтожат те зародыши русской торговли и промышленности, которые появились в Маньчжурии. В силу преобладающего иностранного влияния в Пекинской области и в юго-западной части Маньчжурии, а также в связи с завершением строительства иностранных железных дорог в районах восточного побережья Китая развитие русских предприятий в Маньчжурии оказывалось под угрозой конкуренции не только извне, но и “изнутри”, прежде всего через деятельность отделений зарубежных банков, которые уже вскоре могли быть открыты в Дальнем и в Инкоу. Отсюда формулировалась следующая программа действий:

²²⁰Так, военно-полицейской частью лесного предприятия командовал полковник Генерального штаба Мадритов. В последующем, по требованию главнокомандующего, для продолжения замещения данной должности он будет вынужден выйти в отставку [170]

Россия в принципе не отказывалась от *духа* соглашений о выводе войск, при этом должна была “не останавливаясь перед нужными расходами, поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в полное равновесие с нашими политико-экономическими задачами, дав очевидное для всех доказательство решимости отстаивать наше право на исключительное влияние в Маньчжурии” [171]. Иными словами, военное присутствие в Маньчжурии полагалось сохранять до момента достаточного военного укрепления в Амурской области и в Приморье при расширении к югу от них экономической активности, контролируемой российским капиталом, в мере, достаточной для ее самовоспроизводства.

В переводе с бюрократического на обычный язык, решение министерского совещания означало, что Россия будет продолжать бороться за Маньчжурию - до тех пор, пока степень ее закрепления здесь не перевесит юридические резоны, препятствующие немедленному установлению российского протектората над этой территорией. При этом интересы в Маньчжурии отдельных групп влияния должны склониться перед задачами государственной политики.

В те годы в России, еще не изменившей под воздействием революции 1905 года фундаментальные принципы устройства власти, продолжал действовать древний принцип "царское слово твердо". Решение императора, объявленное 7 мая 1903 года, не подлежало обсуждению. Традиционно непреклонный Витте, смилив фронду, заявил, что “после объяснения со статс-секретарем Безобразовым, он по существу дела не стоит с ним в разногласии”. Руководители лесной концессии также были вынуждены ограничить аппетиты и принять меры по "приданию предприятию на Ялу чисто коммерческого характера" [172]. Таким образом, высшее российское руководство вполне определенно и открыто объявило о своей решимости форсировать утверждение страны на территории Маньчжурии, сделав решительную ставку на цивилизованные экономические методы.

Войны с Японией Россия не боялась, хотя в силу значительной неподготовленности вооруженных сил на Дальнем Востоке намеревалась максимально отсрочить ее начало.